

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В ДИСКУССИЯХ О БУДУЩЕМ АГРАРНОМ СТРОЕ РОССИИ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 Г.)*

Л.В. АЛИЕВА

*Псковский государственный
университет*

e-mail: rada510@rambler.ru

В статье рассматриваются основные подходы к решению вопроса о судьбе крестьянской поземельной общины после свержения самодержавия. На протяжении февраля – октября 1917 г. различными общественными организациями, политическими партиями, правительственными кругами предлагались и обсуждались варианты будущего крестьянской поземельной общины: сохранение ее в неизменном виде, сохранение в качестве исключительно поземельной организации, сохранение как административного института и даже возрождение в тех регионах, где она сохранилась в качестве административной беспредельной единицы. Но ни один из названных сценариев не был реализован.

Ключевые слова: община, самоуправление, крестьянство, земля, Февральская революция 1917 г.

Роль органов государственной власти в истории крестьянской поземельной общины в России XIX – XX вв. была весьма велика. Это было связано, прежде всего, с тем, что государство стремилось приспособить общинные структуры для решения чуждых общине, но весьма важных для него самых задач.

В XIX – первой трети XX вв. в России было проведено несколько земельных реформ, одним из основных объектов которых выступала крестьянская поземельная община, и судьба последней реформаторами решалась по-разному: в ходе реформы 1861 г. правительство сохранило общину, однако при подготовке столыпинской земельной реформы был взят курс на ее разрушение¹. В советский период Земельный Кодекс 1922 г. оформил общину, обнаружившую «наиболее полную жизнеспособность»² после Октябрьской революции 1917 г., в качестве «земельного общества», сохранив ее, но деревню урезав права³. Эти положения общеизвестны.

Вместе с тем, вне поля внимания специалистов по аграрной истории России, как правило, оставался хотя и непродолжительный, но крайне важный для судеб русской крестьянской общины временной промежуток с февраля по октябрь 1917 г.⁴ Настоящая

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант № 12-11-60008 и Государственного комитета Псковской области по культуре.

¹ Более того, долгое время в отечественной науке и общественном сознании бытовало мнение, что крестьянская община в России прекратила свое существование в результате проведения столыпинской аграрной реформы. Так, например, тезис о разрушении общины в ходе столыпинской аграрной реформы нашел отражение в ряде универсальных и специализированных энциклопедий, которые, как известно, включают в себя устоявшиеся, обобщенные, упорядоченные и апробированные сведения. Например, см.: Алаев Л.Б. Община // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 418 – 424; Новая иллюстрированная энциклопедия. Т. 13. М., 2001. С. 56.

В то же время существуют многочисленные публикации по истории крестьянской общины в России 1920-х гг., которые опровергают это утверждение и формируют представление о сохранении в русской деревне общинных отношений вплоть до коллективизации. Значительная часть работ, посвященных русской общине 1920-х гг., связана с изучением ее судьбы в рамках реализации земельной реформы 1922 г., в ходе которой община, как известно, получила юридическое оформление как «земельное общество», лишившись де-юре функций управления. Перечисление данных исследований заняло бы слишком много места, поэтому выделим работы 1920-х – 1930-х гг., подборка обширного фактического материала в которых доказывает, что в советской деревне 1920-х гг. продолжала существовать старая поземельная община, сыгравшая значительную роль в послереволюционном переустройстве деревни. Например: Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат (сельсовет и волисполком). М., 1929; Филиппов И., Крынская Б. Территория и материальная база сельсоветов. М., 1930; Малахинов П.И. От кабалы к счастливой колхозной жизни (Итоги колхозного строительства в Ленинградской области). Л., 1938.

² Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. М., 1974. С. 323.

³ Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 102 – 134.

⁴ Историки, обращаясь к анализу поземельных отношений в России 1917 г., традиционно отмечали факт оживления общинных отношений, роль крестьянской общины в проводимых переверстках земли, но не

статья представляет собой попытку определить место и роль крестьянской общины в разрабатывавшихся в этот период проектах земельной реформы.

Вскоре после победы Февральской революции стало ясно, что в области земельных отношений должны произойти крупные перемены. В то же время роковая неизбежность широкой земельной реформы и возможные драматические последствия ее реализации настораживали, если не сказать – страшили, – не только представителей умеренных и консервативных кругов, но и социалистические партии, что стало одной из причин переноса начала аграрной реформы на более отдаленную перспективу, как минимум – до созыва Учредительного собрания. В Постановлении Временного правительства от 21 апреля 1917 г. отмечалось: «Важнейший очередной вопрос для нашей страны – вопрос земельный – может решить окончательно и правильно только Учредительное собрание... Но для такого решения необходимо предварительно собрать повсеместно сведения о земельных нуждах населения и подготовить к Учредительному собранию новый закон о земельном устройстве. С этой целью Временное правительство образует Главный земельный комитет, который исполнит эту работу при содействии местных, губернских и уездных и волостных земельных комитетов»⁵.

Главный земельный комитет (ГЗК), определив на первой сессии, состоявшейся 19 мая 1917 г., цель будущей реформы – передать все земли в пользование трудового населения, на второй сессии (20 мая 1917 г.) приступил к разработке основных положений земельной реформы. Для решения этой задачи было необходимо найти ответ на ряд вопросов, традиционно обсуждавшихся на стадии подготовки земельных реформ в России:

- 1) судьбы земельного строя (ликвидация/сохранение; полностью/частично);
- 2) принципы построения новых земельных правоотношений (пользование/владение; государственное/частное);
- 3) принципы распределения (перераспределения) земельного фонда (коллективно/единолично; насильственно/мирно; за выкуп/безвозмездно);
- 4) нормы земельного обеспечения (потребительная/трудовая; минимум/максимум; единые/индивидуальные).

В ходе обсуждения и разработки аграрной реформы оформилось несколько точек зрения на вопрос **о судьбе существующего земельного строя**, прежде всего, об участии крупных частновладельческих, а также церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель.

Первая – официальная – точка зрения была озвучена в воззвании Временного правительства от 19 марта 1917 г.; она сводилась к призыву не изменять дореволюционного земельного строя, поскольку «проведение аграрной реформы в интересах крестьянства, т.е. конфискация всей помещичьей земли, обесценила бы закладные листы и означала бы конфискацию части банковского капитала, в котором эта земля была заложена»⁶. Изначально занятая позиция сохранялась Временным правительством вне зависимости как от изменения его состава, так и трансформации внутри- и внешнеполитического положения страны в рассматриваемый период. Об этом свидетельствует одно из программных положений декларации Временного правительства от 24 сентября 1917 г., которое по-прежнему предполагало «упорядочение земельных отношений без нарушения существующих форм землевладения»⁷.

рассматривали вопроса о судьбе общины в политических реформах Временного правительства. Например: Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. М., 1918; Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907 – 1916 гг. Судьбы во время революции. (1917 – 1920 гг.). М., 1922; Дубровский С.М. Временное правительство и крестьянство // Аграрная революция. Т. 2. Крестьянское движение в 1917 г. М., 1928. С. 65 – 83; Шулейкин И.Д. История земельных отношений и землеустройства. М.-Л., 1933. Работы, посвященные анализу аграрных инициатив и аграрного законодательства Временного правительства, также не содержат подробных трактовок места и роли общины в системе будущих земельных отношений. Например: Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Н. Новгород, 2001; Артемов С.Н. Земельные комитеты при подготовке проекта аграрной реформы в 1917 году // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 47. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zelnyye-komitety-pri-podgotovke-proekta-agrarnoy-reformy-v-1917-godu> (дата обращения: 01.04.2013)

⁵ Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917 – 1958 гг.). М., 1966. С. 11 – 12.

⁶ Алавердова А. Очерк аграрной политики Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.) // Социалистическое хозяйство. Кн. 2. М., 1925. С. 145.

⁷ Цит. по: Алавердова А. Очерк аграрной политики Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.) // Социалистическое хозяйство. Кн. 2. М., 1925. С. 174.

Сторонники второй точки зрения признавали крестьянское малоземелье главным фактором остроты аграрного вопроса. Из этого следовало, что помещичью землю надо передать крестьянам. Различия и оттенки были лишь в способах передачи: насильственно либо мирно, безвозмездно либо за выкуп и т.д. Наиболее популярными в крестьянской среде при этом были взгляды социалистических партий, особенно эсеров.

Третья точка зрения сводилась к признанию неотвратимости рациональной организации крестьянского хозяйства и, не отвергая вовсе необходимости ликвидации крупной частной земельной собственности, признавала возможной передачу части помещичьих земель крестьянам. Крупные же и хорошо налаженные хозяйства предполагалось оставить прежним владельцам, чтобы путем государственного регулирования с использованием прогрессивного налога достаточно корректно и безболезненно ввести их в систему народного хозяйства⁸. В частности, эсер С.Л. Маслов подчеркивал: «Все земли должны подвергнуться распределению при будущей реформе, за исключением крупных, имеющих ценность для народного хозяйства»⁹.

По большому счету, пока велись споры между представителями всех противоборствующих сторон, крестьянская община, взяв инициативу в свои руки, приступила к перераспределению земельного фонда на основе собственных представлений о справедливости, включая в передел помещичьи, церковные и монастырские земли и не вняв призыву не торопиться с самовольным захватом помещичьих земель, т.к. они могли быть отобраны по решению Учредительного собрания. По этому поводу современник и очевидец событий 1917 г. А.И. Деникин с предельной ясностью писал: «В деревнях земля давно была взята и поделена. Теперь догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезывали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтом звучали слова правительственной декларации, возлагавшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передавшей им земли *“в порядке, имеющем быть установленным законом и без нарушения существующих форм землевладения”*»¹⁰.

Земельные правоотношения в период Великой аграрной революции, безусловно, должны были претерпеть существенные изменения, тем более что разработчики реформы констатировали факт запутанности земельных отношений вследствие столыпинского землеустройства, в рамках которого крестьяне приобрели в частную собственность «многие миллионы десятин земли»¹¹. Это затрудняло процесс перераспределения земли на основе единых подходов, т.к. крестьянские земли индивидуального владения на местах то исключались из состава земель, которые могли быть подвергнуты переделу, то включались в них. Дабы препятствовать распространению неконтролируемых изменений земельных отношений, С.Л. Маслов даже предлагал запретить выдел из общин¹². Однако такого рода способ «замораживания» поземельных отношений не встречал всеобщей поддержки. В частности, экономист Б.Д. Бруцкус отмечал, что «выход из общины в той или иной форме должен остаться открытым»¹³. Более того, на заседаниях комиссии ГЗК по перераспределению земельного фонда некоторые докладчики высказывали мнение о том, что в связи с перераспределением земель необходимо признать допустимым вселение новых поселенцев в те общины, где имеется избыток земли сверх определенной потребительно-трудовой нормы. Это позволило бы решать проблему аграрного перенаселения, но неизбежно должно было еще более запутать поземельные отношения. Поэтому от определенного решения вопроса о земельных правоотношениях комиссия уклонялась, однако всем было очевидно, что он должен был быть решен уже в ближайшем будущем¹⁴.

Вопрос о будущих формах землевладения в рамках дискуссии о земельной реформе считался не самым важным, хотя и он тоже требовал скорейшего разрешения. Эсер Н.Я. Быховский выступал за социализацию земли, которая вместе с тем должна была сохранить за каждой общиной ее право внутриобщинного распределения земельного

⁸ Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в. // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 37.

⁹ Маслов С.Л. Организация работ по подготовке земельной реформы при Совете Главного земельного комитета. Пг., 1917. С. 10.

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/2_10.html (дата обращения: 26.03.2013).

¹¹ Органы земельной реформы: земельные комитеты и Лига аграрных реформ. М., 1917. С. 23.

¹² Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Н. Новгород, 2001. С. 115.

¹³ Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 31.

¹⁴ Маслов С.Л. Организация работ по подготовке земельной реформы при Совете Главного земельного комитета. Пг., 1917. С. 12.

фонда¹⁵. Народнические партии в целом полагали, что вновь прирезанные земли можно будет признать государственными, и что постепенно крестьянство привыкнет относиться и к своей наделной земле, как к государственной. Кадеты же отстаивали право частной собственности на землю, которая должна была способствовать и улучшению крестьянского хозяйства.

Несомненным было одно: ни в правовом сознании, ни в законе нельзя было объяснить существование различных юридических норм по отношению к земле, в связи с чем Б.Д. Бруцкус отмечал, что «очень скоро в связи с переверстками – в порядке общинного землевладения и в порядке землеустройства – стерты будут границы между землями различных категорий. Унификация земельных прав должна явиться неизбежным следствием земельной реформы»¹⁶. Но это было делом будущего, а в революционный период решение проблемы унификации земельных правоотношений обрастало многочисленными спорами и конфликтами, препятствуя выработке единых подходов к принципам построения новых земельных правоотношений.

При обсуждении механизмов **распределения земельного фонда** на заседаниях ГЗК весной – осенью 1917 г. неоднократно звучала мысль о том, что «наиболее простым, производственно целесообразным и в то же время опирающимся на народное правосознание способом распределения земельного фонда является его передача тем, кто на нем теперь трудится; причем земля прирезается селениям, но конечное ее распределение предоставляется им коллективно»¹⁷. Эта точка зрения разделялась практически всеми членами ГЗК независимо от их партийной принадлежности. Они полагали, что преобразования должны были быть настолько сложными, крупномасштабными и стремительными, что государственный аппарат совершенно не в силах был бы заниматься наделением земель каждого отдельного лица. Учитывая данное обстоятельство, многим казалось очевидным, что между государством и отдельными крестьянскими хозяйствами должен находиться особый коллектив – община, и только она сможет обеспечить интересы всех отдельных хозяйств – и многодочных, и малодочных – в силу наличия богатого, многовекового опыта по распределению земель. Так, Н.П. Макаров подчеркивал, что «имея в виду богатый опыт в передельных общинах по распределению земель, не следует государству навязывать свои какие бы то ни было совершенные нормы распределения земли между отдельными хозяйствами внутри такой общины. Передайте эту землю общинам и пускай она в своих собственных недрах эту землю соответственно своим представлениям распределяет»¹⁸. О необходимости передачи земли общинам говорили в этот период и Н.Д. Кондратьев, А.А. Рыбников, С.Л. Маслов, Н.И. Ракитников. Более того, в споре о справедливом распределении земельного фонда неоднократно звучали предложения по возрождению тех общин, которые существовали как административные единицы, прекратив на своей территории переделы земли: «Государство не сможет подойти к каждому отдельному хозяйству в этих районах и должно будет подходить через коллектив. Таким коллективом могла бы явиться административная община. Она может теми же самыми приемами, которые существуют в передельной общине, решить вопрос распределения земли: большинством 2/3 голосов»¹⁹.

Вопрос о возмездности передачи земли крестьянам решался неоднозначно. На первой сессии ГЗК ставился вопрос об оплате крестьянами передаваемой им земли. Однако I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. было объявлено, что земля должна перейти в пользование крестьян безо всякого выкупа. Б.Д. Бруцкус отмечал, что «об изъятии у крестьян ренты с их наделных земель нельзя серьезно говорить. Крестьяне за эти земли внесли большую часть выкупного платежа и никакая власть не позволит себе экспроприировать у них доход с благоприобретенного капитала»²⁰. Однако тем же Б.Д. Бруцкусом указывалось на то, что помещичьи земли не

¹⁵ Основные идеи решения аграрного вопроса. М., 1918. С. 22 – 23.

¹⁶ Бруцкус Б.Д. Обобществление земли и аграрная реформа. М., 1917. С. 14.

¹⁷ Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. 1. О крупном землевладении. Пг., 1917. С. 29.

¹⁸ Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. Пг., 1917. С. 17.

¹⁹ Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. Пг., 1917. С. 17.

²⁰ Бруцкус Б.Д. Обобществление земли и аграрная реформа. М., 1917. С. 10.

могут быть переданы крестьянам на безвозмездной основе, т.к. они частично были заложены, и «по закладным должен кто-то платить»²¹.

Революционные изменения неизбежно привели к поиску решения проблемы крестьянского малоземелья и определению **норм обеспечения земель**. Нормы нужны были для того, чтобы осуществить более равномерное распределение земли, вновь отводимой в ходе реализации земельной реформы. В случае передачи земли общинам, при переделах земельного фонда в силу вступили бы нормы, идущие из повседневной крестьянской практики, складывавшейся веками, но поскольку к единому мнению о роли общины в будущих аграрных преобразованиях разработчики реформы не пришли (как, впрочем, и по другим вопросам), к решению обозначенной проблемы приступили специалисты, которым на теоретическом уровне необходимо было обосновать те принципы распределения земель, которые были призваны раз и навсегда решить аграрные проблемы. Выработка теоретически обоснованных норм обеспечения земель была вызвана еще и тем, что специальная анкета центрального Отдела землеустройства позволила установить, что увеличение земли на едока при перераспределении земельного фонда выразится в ничтожных величинах: десятых и сотых долях десятины.

В связи с методологическими поисками исчисления минимальной нормы наделения крестьян землей в публикациях февраля – октября 1917 г. все чаще появляются такие понятия, как «организационно-производительный минимум», «потребительная норма», «трудовая норма», «потребительно-трудовая норма».

Под *организационно-производительным минимумом* подразумевался участок земли «таких размеров, чтобы при соответствующем уровне сельского хозяйства в данном районе крестьянская семья могла удовлетворять свои потребности, но не вполне, а в рамках некоторого относительного малоземелья»²². Такой подход был обусловлен тем, что до полного наделения – до потребительной нормы – имеющихся пахотных земель, по всей вероятности, будет недостаточно, а некоторый недостаток земли (1 – 2 десятины) будет способствовать переходу крестьян к более интенсивным формам земледелия.

Потребительной нормой считалось количество земли, необходимое для того, чтобы удовлетворить все потребности семьи – в пище, в жилище, в одежде, в обуви, в образовании²³. Однако, очевидно, потребности семьи не являются каким-либо фиксированным объектом и подвержены постоянным изменениям даже в рамках одного и того же крестьянского хозяйства, не говоря уже о крестьянских семьях по России в целом.

При наделении крестьян землей по *трудовой норме* предполагалось предоставление земельного участка такой площади, которая может быть обработана трудом только самого крестьянского хозяйства, без применения труда наемных работников²⁴.

Потребительно-трудовая норма как единица обеспечения крестьян землей мыслилась как норма, отвечающая всей совокупности разнообразных условий того или иного района²⁵.

В.И. Ленин критически относился к разработке подобных «норм» как средству разрешения аграрного вопроса. На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов он говорил, что «какие бы “нормы” не устанавливали, они останутся в лучшем случае непригодными для жизни потому, что они не считаются с тем главным фактором, что собственность на орудия, на скот, на деньги распределены неравномерно»²⁶. Добавим к этому, что для нахождения любой из этих норм нужны были не средние величины, а точные данные массовых обследований.

Несмотря на свою утопичность, вопрос о трудовой и потребительной норме наделения крестьян землей обсуждался в рамках работы специальной комиссии при ГЗК. На одном из заседаний этой комиссии Н.П. Макаров представил доклад о нормах наделения земель, в котором указывалось на необходимость определения норм наделения земель для равномерного распределения земельного фонда в рамках новой земельной реформы. При этом докладчик пришел к выводу, что вычислив нормы, государство не сможет во

²¹ Основные идеи решения аграрного вопроса. М., 1918. С. 43.

²² Долгих И. Аграрный вопрос и крестьянство по отношению к социализму. Самара, 1918. С. 23.

²³ Дербер П.Я., Дорохов П.Н. Как на местах нужно обсудить вопрос о земле. Б/м., 1917. С. 11.

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ Долгих И. Аграрный вопрос и крестьянство по отношению к социализму. Самара, 1918. С. 23.

²⁶ Ленин В.И. Речь по аграрному вопросу 22 мая 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 32. М., 1961. С. 184.

всех волостях обеспечить население земель в соответствии с данными нормами, поэтому непосредственное равенство обеспечения земель невозможно²⁷.

Б.Д. Бруцкус также возражал против выработки норм наделения земель, т.к. проект всероссийского равнения земли было невозможно реализовать по целому ряду причин. Во-первых, само понятие потребительной нормы весьма условно, т.к. человеку свойственно менять структуру собственных потребностей, а значит – неоперационально. Во-вторых, этот проект основывался бы на бюджетных исследованиях, проводимых, соответственно, не в массовом порядке, а весьма выборочно. В связи с этим полученные нормы имели бы значение лишь для небольших территорий, поскольку они сильно различаются в зависимости от качества почв, состояния местных рынков, развития промыслов и других условий. В-третьих, как отмечал Б.Д. Бруцкус, «есть опасение, что вычисленные статистические нормы, будучи даже санкционированными Учредительным собранием, не будут достаточно авторитетны, чтобы им подчинились возбужденные многомиллионные массы крестьянства»²⁸, поэтому приемы наделения земель должны вытекать из самой психологии масс. Кроме того, крестьянам была нужна не земля вообще, а земля конкретная, на которую они претендовали и которую они активно захватывали и которую пускали в передел по традиционно сложившимся нормам.

Решение вопроса о выработке норм решалось еще и в плоскости определения возможности установления единых для России земельных минимума и максимума. Однако было очевидно, что разработка единых норм земельного обеспечения являлась не только нереальной, но и не такой уж неотложной задачей, поскольку на местах приходили к выводу о том, что «установление земельного обеспечения крестьянского населения в средних величинах по территориальным единицам – уездам и волостям еще не вскрывает в достаточной степени конкретных условий крестьянского землевладения»²⁹.

Таким образом, в дискуссиях о земельной реформе, развернувшихся не только в общественных организациях, но и в правительственных кругах на протяжении весны – осени 1917 г., одно из центральных мест принадлежало общине. В рамках определения основных положений будущей земельной реформы фактически решался вопрос о ее судьбе. При этом он не рассматривался в плоскости разрушения данного института, хотя экономистам и были очевидны издержки существования общинной организации. Речь шла как минимум о сохранении общины, а как максимум – о ее возрождении, особенно в тех местах, где господствовала беспредельная, административная община. Однако различия в позициях по аграрному вопросу, обусловленные программными установками, множество прений на отвлеченные темы, сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка мешали процессу подготовки реформы, конкретные положения которой так и не были выработаны вплоть до октября 1917 г.

RUSSIAN PEASANT COMMUNITY IN DISCUSSIONS ABOUT FUTURE AGRARIAN SYSTEM OF RUSSIA (FEBRUARY – OCTOBER 1917)

L.V. ALIEVA

Pskov State University

e-mail: rada510@rambler.ru

The article deals with the main approaches to the solution of the problem concerning the future of Russian peasant community in the discussions from February to October 1917. Various public organizations, political parties, and government circles suggested and debated numerous alternatives of the peasant land community's future: conservation in its unchanged form, preservation only as a land organization, preservation as an administrative unit, and even revival of the community in some regions. But none of these scenarios was realized.

Keywords: community, self-government, peasants, land, the February Revolution 1917.

²⁷ Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. Пг., 1917. С. 16.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Материалы по экономическому районированию Новгородской губернии. Итоги сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Новгородской губернии. Т. 1. Крестьянские хозяйства. Вып. 1. Текст. Новгород, 1923. С. 39.